

Игдавлетов Ильшат Сулейманович

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории, психологии
и педагогики
Уфимского государственного университета
экономики и сервиса

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МАКСЮТА ЮНУСОВА И МЕНДИЯРА
БЕКЧУРИНА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ПОЛИТИКЕ РОССИИ В XVIII В.**

Аннотация:

В статье рассматривается роль российских послов Максьюта Юнусова и Мендияра Бекчурин в установлении дипломатических отношений России с казахскими жузами и Бухарским эмиратом в XVIII в.

Ключевые слова:

Максют Юнусов, Мендияр Бекчурин, дипломатическая деятельность, казахские жузы, Бухарский эмират.

Igdavletov Ilshat Suleymanovich

PhD in History,
Lecturer, History, Psychology
and Education Science Subdepartment,
Ufa State University of
Economics and Service

**DIPLOMATIC ACTIVITIES OF
MAKSYUT YUNUSOV AND MENDIYAR
BEKCHURIN IN SOUTHEASTERN
POLICY OF RUSSIA
IN THE 18TH CENTURY**

Summary:

The article considers the role of the Russian ambassadors Maksyut Yunusov and Mendiyaar Bekchurin in establishing of diplomatic relations between Russia and Kazakh jüz formations and the Emirate of Bukhara.

Keywords:

Maksyut Yunusov, Mendiyaar Bekchurin, diplomatic activity, Kazakh jüz, Emirate of Bukhara.

С окончанием Северной войны правительство Петра I переходит к решению неотложных внешнеполитических задач на восточных рубежах России, географический горизонт которых простирался от Кавказа до Тихого океана. Эти проблемы при всем их разнообразии и политической значимости являлись важным направлением во внешней политике России, внимание к ним не ослабевало даже в годы Северной войны.

Как отмечал С.М. Соловьев, «Петр, стремясь к достижению своей “великой цели” – получению Россией выхода к Балтийскому морю, не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницею в торговом отношении между Европой и Азией... Страны Востока, от Китая до Турции, одинаково обращали на себя внимание Петра» [1].

В целом с царствования Петра Великого начинается новая эпоха в истории отношений России не только с Дальним Востоком, но и с мусульманским миром [2].

С началом проникновения России в Среднюю Азию и Индию возросла роль тюркских народов Урало-Поволжья в юго-восточной политике. Как единоверцы, близкие по языку, культуре и хозяйственно-экономическим традициям к казахам и тюркским народам Средней Азии, башкиры и татары оказались незаменимыми в установлении дипломатических и торговых отношений с ними. Кроме участия вместе с казаками в составе военных экспедиций они выполняли важную роль как дипломаты, переводчики, купцы и т. д. Например, башкирские тарханы были непременно участниками всех посольств, которые посылались из Уфы к калмыкам или к кочевым феодам сибирских и среднеазиатских степей [3].

В числе первых представителей башкир, сыгравших заметную роль в восточной политике России в XVIII в., следует отметить дипломатическую деятельность Максьюта Юнусова, о котором известно из записей Флорио Беневени, посла Петра I в Персию и Бухару.

Сведений о личности М. Юнусова сохранилось крайне мало. Исследователи в основном рассматривали его дипломатическую деятельность. Однако изданная в 2012 г. работа А.М. Гайсина «Максют Юнусов и его потомки» позволяет дополнить знания о жизни и деятельности М. Юнусова. Автор на основе архивных материалов и нескольких шежере (родословных) считает, что М. Юнусов происходил из башкирского племени тангаур. Исследовав генеалогическую схему башкир тангаурской деревни Кирдас (деревня сегодня находится в составе Абзелиловского района Башкортостана), А.М. Гайсин установил, что Максьют Юнусов являлся родоначальником башкир-первопоселенцев этой деревни [4].

Во время пребывания в Бухаре свои реляции Флорио Беневени отправлял в Россию с гонцами. Гонцами были толмач – грек Иван Дементьев, камердинер – итальянец Николо Минер и башкир – мулла Максют Юнусов.

В одной из своих реляций русский посол сообщает следующее: «Податель сего будет башкирец один, торговой человек, имянованный Мола Максута, Юнусов сын, прозвищем Амремзей, из Уфимского уезда» [5]. Данный документ был доставлен в Санкт-Петербург 20 ноября 1723 г.

В следующем послании Беневени писал: «По указу Вашего Императорского Величества отправленный ко мне от пятого декабря двадцать третьего года рескрипт с башкирцом Моли Максудом Юнусовым сего марта шестого верно получил. И чрез иного башкирца – Мачакбая Пулатова, ибо памянутой Максуд в Каракалпаках задержан, и каракалпаки, пока от двора Вашего Величества на прошение их о мире добрые и приятные ответы не получают, оного ни сюда ни назад отпускать не хотели, чего ради посланной с ним рескрипт принужден тайным образом чрез Казаки с помянутом башкирцом...» [6]. Должно быть, после того как Максют Юнусов доставил письмо в Санкт-Петербург, он был отправлен обратно в Бухару с ответом к Беневени. При нем фигурирует и другой башкир Мачакбай Пулатов.

Как показывает данный источник, Максют Юнусов был «торговым человеком» и в 1723–1724 гг. в Бухару ездил по торговым делам. По другим источникам, М. Юнусов в 1726 г. в качестве российского посланника был отправлен к казахскому хану Абулхаиру.

В 20–30-х гг. XVIII в. активизировались русско-казахские отношения. Эти годы известны как годы переговоров о вхождении казахов Младшего жуза в состав Российской империи.

Еще в начале 1725 г. в Петербург было направлено посольство казахских и каракалпакских правителей, которые обещали оказывать помощь России в борьбе с любым врагом. Ответом на это предложение явилась встреча в 1726 г. в каракалпакских степях российского посланника муллы Максюта Юнусова с Абулхаиром, в ходе которой происходили переговоры о принятии казахами Младшего жуза российского подданства. В результате переговоров Абулхаир направил в Петербург посольство во главе с Койбагаром Кабековым с заданием добиться «протекции» России, получить право кочевий между владениями башкир и рекой Уралом, «чтобы был обеспечен свободный проезд в Россию, безопасность от яицких казаков и башкир, а также разрешено было произвести размен пленных в Уфе». Казахи просили возвратить пленных в обмен на русских пленных и обещали служить во всякой верности и по указам императрицы [7].

В числе русских послов второй половины XVIII в., дипломатическая деятельность которых оставила заметный след в истории юго-восточной политики России, следует отметить также Мендияра Бекчурина. Он неоднократно выполнял поручения Оренбургских губернаторов и Коллегии иностранных дел в установлении дипломатических связей с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами. Личность М. Бекчурина представляет большой интерес и в истории края.

По данным архива внешней политики России, он выходец из обычной солдатской семьи. Начиная с 1760 г., служил переводчиком при Оренбургском губернаторе. В 1777 г. был удостоен звания коллежского регистратора [8], а после 1780 г. получил чин коллежского асессора [9].

Как знаток восточных языков, М. Бекчурин активно участвовал в качестве переводчика и посла в дипломатических сношениях России с Казахстаном и Средней Азией, а также во взаимоотношениях Оренбургской администрации с башкирами. Так, в 1779 г. в качестве переводчика вместе с капитаном Г. Линингрейном ездил к казахскому хану Аблаю. В 1780 г. для сбора сведений о последнем он посещает Омскую и Семиполатную крепости [10].

Однако наиболее важным дипломатическим поручением для Бекчурина стало посольство в 1780 г. в Бухару. Посольство было организовано в Оренбурге по указу Екатерины II и носило официальный характер.

При организации посольства в 1780 г. в Бухару в рескрипте Коллегии иностранных дел Оренбургскому губернатору генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу было поручено найти подходящего для этой поездки человека, бывавшего в далеких путешествиях, знающего местные условия и имеющего в самой Бухаре знакомых, которые могли бы быть ему полезными.

И. Рейнсдорп, являвшийся губернатором Оренбургской губернии с 1768 г., возможно, уже достаточно хорошо знал М. Бекчурина. В итоге выбор пал именно на него. В рапорте Государственной Коллегии иностранных дел он сообщает: «По состоянию сей нужной и осторожности требующей комиссии избран мною способнейшей, благонадежной и в ордах неоднократно бывалой человек, татарского диалекта переводчик коллежский регистратор Мендияр Бекчурин» [11].

Кроме дипломатических поручений русскому послу были даны и другие указания. Посланцу поручалось в бытность его в Бухаре и его окрестностях внимательно обследовать не только политическое, но и общее положение страны «для произведения из того надежных правил и положений на будущее время нашего поведения относительно сих лежащих в великой Татарии земель и областей. Поэтому надобно будет ему содержать всей тамошней бытности повседневный

журнал или же хотя краткую записку и замечания для помочи своей памяти к составлению из того по возвращении к вам в Оренбург некоторого порядочного сочинения, с которым вы его... сюда отправите. При этом признано было необходимым принять целый ряд мер, дабы посольством этим не возбуждать умов бухарцев» [12].

Если не считать отправления торговых караванов из Оренбурга, то из официальных посольств России в среднеазиатские ханства в XVIII в. можно выделить лишь посольство переводчика Мендияра Бекчурина в Бухару в 1780–1781 гг. [13].

Несмотря на то что он находился в городе короткое время и был под постоянным надзором, Бекчурин в целом выполнил данные ему поручения. Удостоился приема у первых лиц государства, где обсуждались торгово-экономические отношения между двумя странами. И важный итог посольства – это доставленные свежие сведения о Бухарском ханстве.

Дипломатические поручения Мендияр Бекчурин выполнял и в первой четверти XIX в. Так, в октябре 1819 г. он направляется Оренбургским губернатором П.К. Эссеном в Хиву для обсуждения вопросов развития торговли между Россией и Хивинским ханством, а также решения проблемы ограбленных российских купцов [14].

Таким образом, Максют Юнусов и Мендияр Бекчурин вносят значительный вклад в установление торговых и дипломатических отношений России с Казахстаном и ханствами Средней Азии. Они были в центре событий юго-восточной политики правительства в XVIII в. и принимали активное участие в переговорах с восточными народами и странами.

Ссылки:

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 17–18. М., 1963. С. 345 ; Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 27.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 391.
3. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 99.
4. Гайсин А.М. Максют Юнусов и его потомки. Генеалогические схемы тангауров деревни Кирдас. Уфа, 2012. С. 51–61.
5. Послание Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 80.
6. Там же. С. 87.
7. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 130.
8. АВПРИ (Арх. внеш. политики. Рос. империи). Ф. 109. Оп. 109/2. 1781. Д. 10. Л. 57.
9. Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Уфа, 2001. С. 95.
10. АВПРИ. Л. 57 об. ; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. (1771–1867) : сб. док. и материалов. Алма-Ата, 1964. № 49, 50, 51, 53. С. 96–102.
11. АВПРИ. Л. 8.
12. АВПРИ. Л. 5–5 об.
13. Бартольд В.В. Указ. соч. С. 411.
14. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. С. 140–142.

References:

1. Soloviev, SM 1963, *History of Russia from the earliest times*, Book IX, vol. 17-18, Moscow, p. 345; *Asian Russia* 1914, Saint-Petersburg, vol. I, p. 27.
2. Bartold, VV 1977, *Works*, vol. IX, Moscow, p. 391.
3. *Essays on the history of the Bashkir ASSR* 1956, vol. I, part 1, Ufa, p. 99.
4. Gaysin, AM 2012, *Maksyutov Yunusov and his descendants. Genealogical scheme of tangaur village Kirdas*, Ufa, p. 51-61.
5. *Envoy Peter I in the East. Embassy Florio Beneveni Persia and Bukhara in the 1718-1725 years* 1986, Moscow, p. 80.
6. *Envoy Peter I in the East. Embassy Florio Beneveni Persia and Bukhara in the 1718-1725 years* 1986, Moscow, p. 87.
7. Basin, VY 1971, *Russian and Kazakh Khanate in the XVI-XVIII centuries*, Alma-Ata, p. 130.
8. AVPRI, f. 109, inv. 109/2, 1781, d. 10, l. 57.
9. Valeev, DZ 2001, *Bashkir history of philosophical and political thought*, Ufa, p. 95.
10. AVPRI, l. 57 ob.; *Kazakh-Russian relations in the XVIII-XIX centuries. (1771-1867): materials* 1964, Alma-Ata, no. 49, 50, 51, 53, p. 96-102.
11. AVPRI, l. 8.
12. AVPRI, l. 5-5 ob.
13. Bartold, VV 1977, *Works*, vol. IX, Moscow, p. 411.
14. Khalfin, NA 1974, *Russia and the Central Asian khanates (first half of the XIX century)*, Moscow, p. 140-142.